

7 кругозор 69

У нас, товарищи, есть все основания уверенно смотреть в будущее. Коммунистическое движение, верное бессмертному учению Маркса, Энгельса, Ленина, располагает сейчас гигантскими возможностями, чтобы в союзе со всеми антиимпериалистическими силами добиться новых побед в исторической борьбе за социальное и национальное освобождение народов, за мир, за светлое коммунистическое будущее всего человечества.

Из выступления главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 7 июня 1969 года.

Слушайте первую звуковую страницу.

Социализм показал человечеству перспективу избавления от империализма. Новый социальный строй, основанный на общественной собственности на средства производства и власти трудящихся, способен обеспечить планомерное, бескризисное развитие экономики в интересах народа, гарантировать социальные и политические права трудящихся, создать условия для подлинной демократии, реального участия широких народных масс в управлении обществом, для всестороннего развития личности, равноправия наций и дружбы между ними. На деле доказано, что только социализм способен решать коренные проблемы, стоящие перед человечеством.

Из Основного документа, принятого международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 года.

Опустел беломраморный Георгиевский зал. Убраны длинные ряды столов, смотаны шнуры микрофонов. Международное Советское коммунистическое и рабочих партий завершило свою работу. Но так и кажется, что вся атмосфера зала хранит звуки многоязычной речи, к которой по-прежнему будет приковано пристальное внимание всего мира. Участники великого форума коммунистов уже разъехались в разные концы планеты, чтобы приступить к своим делам, привычным вроде бы и будничным для них, но поистине героическим, когда познаешь всю их масштабность. Главные выводы Советского, его уверенный голос, его твердая воля к осуществлению начертанных целей продолжают задавать тон всему ходу событий.

выражение в выступлении на Советском зале делегации КПСС товарища Л. И. Броннева.

Под сводами Георгиевского зала особенно волнующе звучали слова глубокого уважения к вождю мирового пролетариата, создателю КПСС и первого в мире социалистического государства В. И. Ленину, столетие со дня рождения которого готовятся встретить коммунисты всего мира, все прогрессивное человечество.

Здесь были и ветераны коммунистического движения, прошедшие с ним весь славный полувековой путь, такие, как один из руководителей аргентинских коммунистов Родольфо Гюльди, участник III конгресса Коминтерна, и вожаки революционной молодежи разных стран, принимающие эстафету от своих отцов. За столом

тель профсоюза моряков своей страны. Тридцать пять лет назад ему впервые довелось побывать в Советском Союзе. Увидев своими глазами родину Октября, познакомившись с героями первых пятилеток, он стал коммунистом. Сегодня у него за плечами не просто большой партийный стаж. В этот стаж вписаны десятилетия борьбы, восемнадцать лет тюремных заключений, пытки в лагерях нацистских захватчиков... Хунта черных полковников осуществляет в Греции реакционный переворот, и снова Тони на подпольной работе. Он прибыл в Кремль посланцем коммунистов своей страны, не складывающих оружия в битве за будущее трудящихся Греции.

...Рядом с Тони — Карлос Перес, рабочий боливийских оловянных

КОММУНИСТ — ЭТО БОЕЦ

Коммунистическое движение является самой влиятельной политической силой современности. За этой строгой научной формулировкой стоят не только многомиллионные ряды борцов за обновление мира, вооруженные самым передовым общественным учением, всеполюющим марксизмом-ленинизмом. Это прежде всего нерушимая уверенность в правоте своего дела, убежденность в своей способности вопреки всем и всяческим препятствиям воплотить в жизнь великие идеалы социальной справедливости, страстное стремление отдать все силы делу, равного которому по благоденствию никогда не знал мир.

Позиция нашей партии, ее заботы о решении проблем международного коммунистического движения и антиимпериалистической борьбы, верность пролетарскому интернационализму нашли свое

заседания сидели представители народов, уже вставших на путь социализма и строительства коммунизма, руководители партий, отстаивающих дело рабочего класса в странах капитала, представители национально-освободительного движения, ведущие борьбу против колониализма во всех его обликах. Одни участники Советского приехали сюда, оставив на время кабинеты, где по мандату трудящихся они занимаются государственными делами. Другие провалились через полицейские заслоны, через решетки тюрем и частоколы жандармских дубинок, чтобы выразить волю народов, ведущих борьбу в условиях террора реакционных режимов.

Сколько было настоящих народных героев среди тех, кто работал в исторические дни в Кремле! Вот член делегации Компартии Греции Тони Амбателос, руководи-

рудников. Далеко друг от друга Греция и Боливия, но сколько общего в своих судьбах находят эти люди. Оба — закаленные борцы за дело трудящихся, оба на опыте своей жизни познали звериный облик капитализма. Они беседуют с Председателем Южно-Африканской компартии Дженом Марксом. «Дядя Джон» любовно зовут его в Африке все те, кто знает, сколько сил и энергии этот уже седой человек отдает делу борьбы против расизма и колониализма...

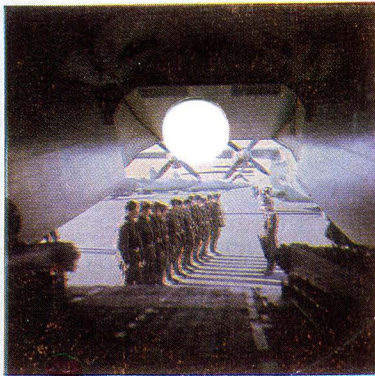
На десятках языков величественно прозвучал в Георгиевском зале «Интернационал», когда закончилось последнее заседание Советского коммунистического мира действительно ведут свой «последний и решительный бой» за будущее человечества.

Вадим НЕКРАСОВ
Москва, июнь 1969.

старшина из моей родной части

4

С неизменным волнением думаем мы о местах, где выросли, где прошла наша юность, где мы, собственно, и стали людьми. Вспоминаем школу, институт, завод; а для тех, кто служил в армии, да еще в войну, едва ли не самое дорогое и почетное в этом ряду — его воинская часть, его полк. Недаром существует такое выражение: родная часть.

Мне повезло. Три года прослужил я в славной воздушнодесантной части. Четверть века миновало, а как сейчас вижу небольшой подмосковный городок, стадион и нас, застывших в строю, а потом преклонивших колена: часть принимала гвардейское знамя. А нес его разведчик гвардии старшина Александр Мелехов. На смотрах под гром оркестра он лихо шагал, держа в вытянутых руках древко, стройный, молодой, светлоглазый, — два ассистента по бокам.

Мне повезло редкостно. Столько лет прошло, а моя родная часть сохранилась. И остались в ней ветераны. Те, с кем я служил, с кем поднимался в «дугласе» и делал шаг в разверзшуюся бездну, с кем до дна испил горькую чашу войны. Это один из командиров, блестящий офицер Александр Иванович Прытков, это старшина сверхсрочной службы Мелехов, тоже Александр Иванович. Тот самый, что носил наше гвардейское знамя.

Много воды утекло, изменилась военная техника, но дух и традиции неизменны. И сохраняют их, берегут такие люди, как Мелехов. Днем и ночью, летом и зимой, в тихую и ветреную погоду поднимался Мелехов на борт воздушного корабля и покидал его на разных высотах почти всегда последним, выпустив сначала своих солдат. Он — командир взвода и не просто отвечает за них, но в нем живет потребность сделать их такими же, как он сам: ловкими, бесстрашными. Для Мелехова понятия долга, воинской чести священны, и его подчиненным просто невозможно выголнить свое дело плохо. За многие годы сотни людей в гражданской жизни вспоминают его, потому что не помнить Мелехова нельзя. И сейчас у него отличные ребята — младший сержант Гурин, совершивший уже около сорока прыжков, комсорг роты рядовой Шкурат, смелый парень, хорошо ориентирующийся в воздухе, и многие другие.

А у самого уже без малого четыреста прыжков. И прыжки, по его собственному выражению, «не спортивные, а кровные, с оружием». Чего только не приключилось с ним за его десантную жизнь: и цеплялся куполом за хвостовое оперение самолета, и попадал в реку при «пристрелке», не мог скользить — ведь по нему коррентировались прыжки остальных! Но всегда умел выйти из положения, всегда оставался цел. Везение? Может быть. Но главное — другое. Главное — умение, хладнокровие, мастерство.

Коль речь зашла о Мелехове, нельзя не сказать следующее. Женился Саша Мелехов вскоре после войны. Родился сын, Шурик. Решили: пусть еще будет дочка. И тут жена Наталья Григорьевна расщедрилась, подарила Александру Ивановичу сразу трех дочерей: Наташу, Надю, Светлану. Знай наших! Они выросли рядом с частью, видели, как прыгает отец, а он, заранее договорившись, делал им знаки сверху, чтобы они узнавали его в воздухе. Когда подросли, он подготовил дочерей к их первому прыжку. Они совершили его с «АН-2» в канун своего шестнадцатилетия. С ними вместе, разумеется, прыгал и отец.

...В праздник, когда страна смотрит по телевидению военные парады на Красной площади, белые солдаты с гордостью и благоговением говорят детям и внукам о «своем» роде войск:

— Смотрите, смотрите, наши!

Когда появляются десантники, я тоже говорю дочери:

— Смори, это наши...

Константин ВАНШЕНКИН

...Прозвучала команда «пошел», и десантники ринулись в продутую ветрами бездну. Вместе с ними, включив магнитофон, закреплённый под ранцем запасного парашюта, прыгнул и наш специальный корреспондент Борис Барышников. На звуковой странице слушайте репортаж «Словно ангелы с неба».

Фото А. Лидова

«ПИСЬМО ВАШЕ ПОЛУЧЕНО»

Первая мировая война застигла В. И. Ленина в деревне Поронин, в предгорье Карпат. Угар шовинизма и шпиономании, захлестывавший воюющие страны, не миновал и этот окраинный уголок бывшей Австро-Венгрии, впоследствии по праву возвращенный народной Польше. Какому-то бдительному обывателю показался подозрительным русский, разъезжающий по окрестностям на велосипеде, беседующий с крестьянами, просиживающий допоздна над книгами и бумагами, 25 июля (7 августа) 1914 года на квартиру Владимира Ильича нагрянул с обыском жандармский вахмистр. Перебирая листок за листком ленинскую рукопись по аграрному вопросу, жандарм наткнулся на статистические таблицы, которые он, как и следовало ожидать, принял за шифровку. Таким образом, «доказательства» шпионажа в пользу враждебной державы были налицо. Ленину было дано предписание явиться на другое утро в город Новый Тарг, где он был арестован и заключен в тюрьму.

Произвол властей вызвал возмущение и протест передовых людей Краковского воеводства, доказывавших нелепость вздорного обвинения. Через одиннадцать дней благодаря усилиям общественности Польши и Австрии Ленин был освобожден.

Среди тех, кто выступил в защиту В. И. Ленина, был польский поэт Ян Каспрович. Его жена, Мария Бунина-Каспрович, вела в те годы дневник. Ненадолго соприкоснулась жизнь Владимира Ильича и этой далекой от политики женщины, но встреча оставила свой след в ее памяти.

М. Бунина-Каспрович вспоминает:

«Осень 1914 года

Однажды к нам пришел русский эмигрант, живший в Поронине, чтобы поблагодарить Яна за услугу, которую мой муж оказал ему. Ян хлопотал в уездной упра-

Рисунок польского художника профессора Антония Сивецкого (из экспозиции Краковского музея В. И. Ленина).

Дом в Поронине, в котором жил В. И. Ленин в 1914 году.

Фото А. Геринаса

Слушайте вторую звуковую страницу журнала

ве об освобождении этого человека из тюрьмы в Новом Тарге. Пробыл он у нас недолго. Я не вышла к гостю, хотя внешность его мне была хорошо знакома: он часто проезжал мимо нашего дома на велосипеде. В памяти запечатлелись его лицо и чесучовый пиджак. После ухода гостя Ян очень тепло отозвался о нем. Мама же пожалала плечами и буркнула:

— Революционер!..

Звали эмигранта Ленин.

Ноябрь 1917 года

Поразительные вещи происходят теперь в России. Друзья и знакомые подшучивают над Яном: мол, если бы не принял он в свое время мер для освобождения Ленина, в России, возможно, не было бы сейчас большевизма.

Февраль 1920 года

От моих родственников из Петрограда нет никаких вестей. Уже полгода не знаю, что с ними... Написала письмо вождю Советской республики Ленину... Я прошу его об одном: разрешить маме и сестре выехать из Петрограда. Пойдет ли письмо в его руки? Послала я письмо через польского ротмистра. Он обещал переправить его «на ту сторону», через линию фронта. Тем временем война между Польшей и Россией приобретает все больший размах...

Май 1920 года

Прошел месяц, как я получила потрясающую в нынешних условиях телеграмму:

ПИСЬМО ВАШЕ (ДАТА) ПОЛУЧЕНО МНОЮ ТРИ ДНЯ ТОМУ НАЗАД. БУДУТ ОТДАНЫ ВСЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ, ЧТОБЫ ОБЛЕГЧИТЬ ВАШИМ РОДНЫМ ВЫЕЗД ИЗ РОССИИ. ПАСПОРТА ИМ УЖЕ ВЫДАНЫ.

ПРЕД. СОВНАРКОМА ЛЕНИН

...В момент, когда революции угрожали интервенты, когда шла война с «белыми», шла война с Польшей, В. И. Ленин помнил о польском поэте...

Дневники М. Буниной-Каспрович в переводе с польского.

Михаил БЕЛЯЕВ

Девичьи
Сочные
У туманов плечи.
Бездорожье молочное —
Цветущая греча.
Мятой уронена
Не просто росинка:
Молоком наполнена
Любая травинка.

И над поносами,
До самого низа,
Небосвод не звездами —
Молоком обрызган.
Пахнет околица
Молоком нагретым.
В погреба просится
Молочное лето.

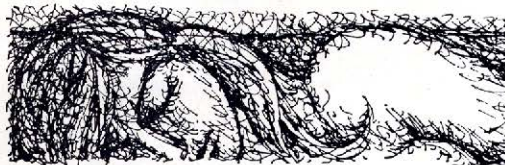
Хазби ДЗАБОЛОВ

ГИМН ДОБРЫМ ХОЗЯЙКАМ

Случайная встреча на улице — и
Вас в дом приглашает хозяин войти.
Стесняетесь вы — по движениям видно, —
Но надо идти: человеку обидно...
Хоть дома он не был сегодня с утра,
Он знает: приветлива и добра
Жена его выйдет навстречу. Нежданный,
Гость будет обласкан, как самый желанный,
И верно, хозяйкой гость радостно встречен.
А голос ее — неподдельно сердечен,
И ласковость эта неясный испуг
У птицы домашней рождает вокруг...
И вот уже стол, как на праздник, накрыт.
Все дразнит, стремится разжечь аппетит:
И острый, щекоуший ноздри чеснок,
И с сыром пахучим румяный пирог,
И пеной играющее лениво
Густое, коричнево-черное пиво,
Вино золотистое, и петухи
На блюде огромном впервые тихи...
Хозяин приветственный тост произносит,
Гость тронут, слова ответного просит —
Хозяйка с улыбкою смотрит на них,
О днях вспоминающая тяжелых, иных...
...Мужчин в недостроенном домине нет.
Ночь. Свечки неверный, мерцающий свет.

Зловещие тени, пугая ребят,
На стенах дрожат, шевелятся, грозят.
Голодные дети томатся без сна,
Глядят неотрывно на горстку зерна.
И слышен в тиши, затаенной, ночной,
Размеренный скрип мукомолки ручной.
А утром, когда над вершинами гор
Едва загорелся рассветный костер,
Она на себе притащила дрова
И сбросила их посредине двора...
Но вдруг по селенью разносится крик.
Настал долгожданный, блаженнейший миг:
С войны возвратился домой наконец
Кормилец семьи, и супруг, и отец...
И трудное время как будто забыто,
И снежную пеной сверкает корыто...
О женщины Ира*, любимые наши!
Да будут дома ваши — полные чаши!
Здоровья, и счастья, и радости вам,
И милой работы — умелым рукам!

* Ира — название осетинского селения.
Перевел с осетинского Сергей Залин.

Отар ЧИЛАДЗЕ

Шла женщина по белому песку
и думала: где в мире бесконечном
ей дома быть, чтобы рывком беспечным
одежды сбросить и предаться сну?
Решила: здесь! — где тысяча мужчин
пила вино среди своих владений.
У женщины, желавшей свидений,
считаться с этим не было причин.
Вселенная была ее уют,
где ей угодно быть хозяйкой дома,
где нагота блаженна и удобна:
вздыхает грудь, и туфельки не жмут.
Однако как беспечен, как высок
был подвиг той свободы одинокой:
разделась и легла возле глубокой
воды морской, затронувшей песок.
Так и спала средь блеска и жары.
Жил влажный след от моря и до камня.
Мужчин неосторожные дыханья
теснились, как воздушные шары.
Все, что кричит, хлопочет, говорит,
затихло: в мире не осталось шума.
Моряк забыл, как называлась шхуна,
рыбак не помышлял о ловле рыб.
Спала, щекою к вечности припав,
в отгаде беззащитной и несмелой,
и сон ее лелеял город белый,
что камбалой и камфарой пропах.

Перевела с грузинского В. Ахмадулина.

На первой странице обложки: рисунок заслуженного художника Грузии Д. Зрестави.

ОСВЯЩЕНО ОГНЕМ

Сколько раз зазывал меня в гости и художнику Алексею Егорову мой товарищ, скорый на слово и на подъем ярославский журналист, до того приверженный к своему городу, что даже сына назвал Ярославом. И хотя, судя по его восторженным похвалам, я просто обязан был встретиться с Егоровым, из-за всяких спешных, неотложных, а в общем-то суетных забот посещение откладывалось.

Но дню, когда я в конце концов побывал у Егорова, мне уже было известно о нем почти все, что можно узнать от хорошо осведомленного журналиста. Знал я, что он потомственный ярославец, что на predeterminedенную ему жизнью тропу, как все устремленные и цельные натуры, вышел в детстве. Рисовал и подавал надежды, обещая с возрастом стать хорошим живописцем. Однажды товарищ показал ему вазу. На фарфоре, перехватывая дыхание, играла тончайшими оттенками цветов искусная роспись. И тут открылось Алексею, сколь нужно, сколь трудно и прекрасно

искусство, которое с легкой руки чистых живописцев стало небрежно именоваться «прикладным».

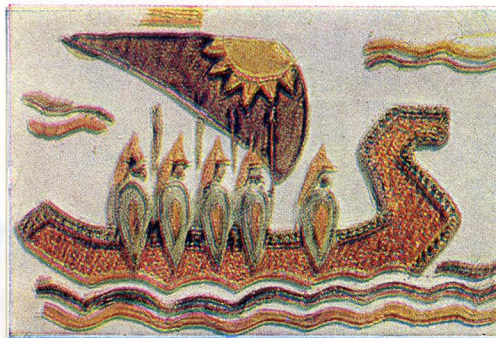
И вот, начиная с сорок седьмого года и по сей день, Егоров не разлучается с керамикой. Перепробовал он разные материалы — и фаянс и фарфор, но особо пленила его заурядная глина. Почему? Чтобы ответить, надо углубиться в прошлое Ярославля.

Некогда город этот был средоточием изразцового промысла. Здесь работали знаменитые на всю серединную Россию мастера, изделия которых дорого ценились и достойно славилась за неизломную долговечность и сочную яркость глазури, за добротность «черепи» (так звались прошедшие обжиг глиняные плитки), за изобретательное разнообразие рисунка. Они и сейчас не потускнели, не поужали, не выцвели, эти плитки, крещенные

И вот мы сидим с Егоровым за длинным, самодельной работы столом в низкой комнате, где тесно от нужных и не относящихся к делу вещей.

За стеной гудит печь. Солнце теплым воском растеклось по чисто струганной столешнице. В его мягком свете греется расписная плитка, слюдяно отливающая зеленой глазурью: зеленой под цвет муравы. Наверное, потому и назвали в незапамятную пору такие плитки муравлеными изразцами. А еще их называли — «ценинными». В противоположность расхожей глиняной утвари — вроде горшков, о которых известно, что их обжигают не боги.

На высвеченном солнцем до мельчайшей извилины изразце, встав на дыбы, готовятся к противоборству тонношей, напоминающий иноописного коня единорог и разъяренный лев, нетерпе-

давшим-давно остывшим огнем, с вьющимся мерно и неспешно узором из цветов, в которых угадывается то василек, то роза (оттого и розетка), то гвоздика — эти свидетельства вьуса живших до нас людей. Им в угоду, окруженные кувшинками и колокольчиками, поводят клювами кречеты и орлы, раздувают пышное оперение индейские петухи, рвутся в схватку львы и единороги. Лучшие изразцы, хранящиеся в музеях и украшающие древние соборы, подтверждают, что русские художники не уступали итальянцам или французам.

И Егоров задал себе в жизни цель — научиться делать изразцы так, как это умели мастера в прошлом. Задача современного художника — взять у старых керамистов все лучшее и, переработав на новый лад, вернуть народу его исконное искусство. Так считает Егоров. И потому использует он сюжеты изразцов и лубочных картинок, темы резных пряничных досок, заново осмысливает изблюбленные мотивы русского искусства.

ливо напрягши мощную лапу. Выпущенные когти — точно трезубая острога.

Неотвязный мотив русского искусства. Есть, видно, непреходящий смысл в этой иносказательной схватке, если снова и снова запечатлевают ее мастера. Меняется только фон, а единорог и лев — на бересте, на глине, на камне, на железе — все так же противоборствуют друг другу и всепобеждающему времени. И вспомнились мне строки Александра Блока, облекшего в слова запечатленное камнерезами и живописцами видение (или знамение?): «И вечный бой! Покой нам только снится сквозь кровь и пыль...»

Я делюсь с Егоровым открывшимся мне и, вглядываясь в его малоподвижное лицо, ловлю острый отблеск неожиданно быстрых глаз...

Адольф ДИХТЯРЬ

Ярославль
Фото Л. Лазарева

Галина ШЕРГОВА

Голуби колотили крыльями в тонкие переборки ставен. Голуби, похожие на чаек, — ведь когда распахиваешь створки, сначала на тебя надвигается близкий фасад противоположного дома, но ты опускаешь глаза и видишь, что мостовая переулка неповоротливо плещется коричневатой водой. И голуби над водой, над каналом похожи на чаек.

Голуби вздымались сизым облаком взрыва над прямоугольником площади святого Марка, отороченной колоннадой галерей, едва ударял колокол. И крылатые львы, стерегущие площадь, казалось, отрывались от синих в золотых звездах мозаик и тоже парили над городом. Над городом, над Двор-

Нет, нам повезло: она была у себя дома, мы могли понять ее истинность. На пристанях толпились утренние служащие, как толпятся на автобусных остановках. Может быть, здесь их толпы были многочисленнее — 13 тысяч рабочих приезжают каждое утро с материка. В Венеции жить негде: 2 300 квартир пустуют, они непригодны для жилья.

И едва узнаешь об этом, начинаешь вглядываться в фасады и вдруг понимаешь — перед тобой умирующие этажи. Вода подползает к мягким от зеленого мха ступеням, входящим в воду, ступеням, по которым некогда спустились роскошные венецианки. Они тоже мертвы, эти ступени, обедненные понизу темной траурной полоской. Этим траурным знаком сегодняшнего дня мечено все бывшее вели-

ки препятствуют, это ущемляет их интересы...»

...Черные дельфины тела гондол скользят по каналу Гранде. Их плотные стаи, как табунки у коновязи, на привязи у пестрых шестов, то полосатых, то голубых, то черневших от времени и влаги. Не сезон — гондольерам нечего делать. И там же, у этих шестов, закипают маленькие митинги: профсоюзы гондольеров ищут выход, они спорят и бесплодно мечтают, как спасти певучих лодочников от безработицы.

Плывет мимо «несезонная Венеция», Венеция, живущая не праздником лета, а будничными заботами, заботами трудовой Италии.

Мы идем по воскресному переулку едва пробудившегося города, а нам навстречу выходят студенты — на груди: «Помогите детям ЮАР».

ВЕНЕЦИЯ

У СЕБЯ ДОМА

цом дождей, где тяжелые золотые венцы на потолках обнимают цветистые видения Тинторетто и Веронезе; над каналом Гранде, по которому скользят черные дельфины тела гондол и гондольеры в куртках на «молнии» дирижируют этим скольжением длинными шестами; над мостом Вздохов, куда сквозь каменный зев тюрьмы в средневековые выводили узников. Над Венецией трепетали сонмища крыл.

Мы распахивали ставни, и мы плыли на гондолах по каналу Гранде, и мы смотрели на Венецию, чтоб ничего не забыть. Нам не повезло: туристский сезон еще не начался, и Венеция не походила на принарядившуюся к праздничному приему горожанку. Скучная Венеция.

чие венецианских особняков: знак разлившейся по воде нефти.

На легенды раннего величия наступила тяжеловесная монументальность современной промышленности. Предприятия сжали лагуну. Они разрушили ее водный режим, они усугубили главную трагедию города: Венеция катастрофически оседает. За полвека она погрузилась в почву, в воду на семнадцать сантиметров.

«СОС» гибнущего уникального города уже давно слышит мир. Мы тоже услышали его из уст архитекторов Валериано Пастора и Джорджо Беллаветиса — членов Комитета по спасению Венеции: «Нужна реставрация домов, но у владельцев нет денег, а муниципалитет — в долгах. Нужна перестройка лагуны, но промышленни-

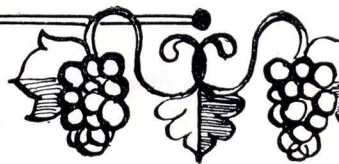
На фотографии — окровавленный негритянский ребенок.

Мы едем из Венеции на материк, и наш автобус обгоняет углый грузовичок, заваленный скарбом: кто-то из венецианцев покидает свой город в поисках жилья и работы...

Мне грустно, Венеция, прекрасная Венеция, которую я хочу навсегда сберечь в памяти — с крылатыми голубями и крылатыми львами. Мне грустно, что я не увезла с твоих каналов память о вечном празднике. Хотя музыка с площади святого Марка долго будет звучать во мне. Хотя тексты шекспировских строф и созвучия Верди отныне навсегда связаны для меня с двориком Дворца дождей: там играют только два спектакля — «Отелло» Шекспира и «Отелло» Верди.

товарищ Мичиштр

В старом городе, в запутанных, избегающих вверх узеньких улицах, меня остановил звук дудука. В Тбилиси, да еще на улице, сейчас уже редко встретишь дудук. А тут перед низкими воротами, прямо на земле, сидел старик в черной шапочке, обросший щетиной, и играл на дудуке, инструменте с гнусавым и терпким звуком, играл что-то бесконечно длинное, непривычное. Ручаюсь, никто не сказал бы, когда он начал играть и когда прозвучит последняя нота, предвосхищенная множеством изысканных поворотов, изгибов, как улица, на которой все это звучало, как музыка вообще в Грузии.

В справочнике Союза композиторов рядом с фамилией Отара Тактакишвили значится: композитор, профессор, министр культуры Грузинской ССР.

...За высокой дверью с надписью «Приемная» играют на рояле. Отар Тактакишвили традиционно, по-грузински вежлив, говорит, что любит приезжать на работу раньше всех, — играет на рояле, сочиняет. Я понимаю, что прервал занятия в часы, может быть, самые драгоценные...

Разговор начинается прямо с музыки. Хотя мог бы быть и о живописи, и о драматическом театре. Беседа могла возникнуть в сфере художественного образования и окончиться разговором об охране памятников древности. Словом, обо всем, чему отдает свое время министр культуры. Но Отар Тактакишвили — композитор, ярый и известный композитор.

Рассказываю ему о старике дудукисте.

«Мне грузинский музыкальный фольклор представляется еще очень мало разработанным. Это какое-то поистине неисчерпаемое волшебное озеро. В старинных песнях масса открытий не только музыкальных, но и психологических. Иногда просто поражаешь-

ся, как грузинский народ, за плечами которого столь многотрудная история, сохранил в песне своей оптимизм, силу, мужество. Я вот недавно записал сванскую погребальную песню, ей лет 300 или 400, наверное. Сколько в ней суровой прямоты!.. И потом этот открытый, ясный, точный взгляд на жизнь, именно на жизнь, даже в погребальной песне. Всего пять нот — и подлинный клад для современного композитора...»

Раздаются телефонные звонки, в дверь заглядывает секретарь.

Тактакишвили назначает мне встречу в консерватории, где он должен быть на первом прослушивании новой симфонии Сулхана Цинцадзе.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ ПРОСЛУШИВАНИЯ: «Только что был в оперном театре, он нас всех сильно беспокоит последнее время. Какой-то там застой. Выход? В планомерном выпуске премьер. Чтобы публика ходила не только на исполнителей, но и знакомиться с новыми спектаклями. Пусть это будут не всегда новые сочинения. Иначе появится еле заметная паутина и потерянное на долгие годы доверие зрителя».

Затем мы слушали симфонию Сулхана Цинцадзе. Я спросил Отара Васильевича, останется ли он на обсуждении новой партитуры. «Обязательно, предвижу дискуссию оживленную».

ВСТРЕЧА В СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ: Тактакишвили вместе с виолончелистом Эльдаром Исакадзе играет свою поэму. До репетиции успеваю расспросить об обсуждении симфонии Цинцадзе.

«Все было очень интересно. Начали с музыки Сулхана, причем мнения разошлись диаметрально, но это как раз хорошо, я это люблю. А потом разговор перешел на современную музыку вообще, и здесь было сломано много копий».

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ РЕПЕТИЦИИ, В МАШИНЕ: «Сулхан где-то неправ. В новой симфонии многое сделано хорошо, но его последние квартеты для меня интереснее, современнее, что ли».

Я заметил в ответ, что грузинские композиторы, особенно молодые, все больше обращаются к последним новинкам музыкальной техники...

«Трудно судить о том, что каждый композитор должен отбирать для себя из новаций. Из додекафонной серийной музыки я вынес только ощущение краткости. Теперь образность должна быть более емкой, более сжатой. Мне хочется писать как можно короче и убедительнее. Но что я совершенно не приемлю, — это разрыв с классической традицией, отрицание исторического фундамента в музыке. Если «авангард» возник только как попытка освободиться от традиций, то это неподходящая идея. Возьмите додекафонию. Такую, в сущности, аккуратную математическую систему. Она разводит с привычными музыкальными ощущениями, взамен дает законы, очень жесткие, даже жесткие. А ведь подлинному новатору рамки ни к чему...»

Разговор продолжался в кабинете, в Министерстве культуры. День подходил к концу. Здание почти опустело, зато за окнами на проспекте Руставели жизнь, кажется, доходила до точки кипения.

В кабинет входит группа людей — учителя музыки из районных школ. Приехали на конференцию.

ТОВАРИЩ МИНИСТР

ИЗ РАЗГОВОРА С УЧИТЕЛЯМИ:
«Мы с вами допускаем просчеты. Слишком много недоброкачественной, легковесной эстрадности. Многие поневоле приобщаются к музыке дурного вкуса. Я говорил об этом на радио, на телевидении. Но дело движется пока медленно. Очень многое зависит от вас, от учителей. Вкус надо воспитывать, имея на прицеле лучшее. Пусть слушают на уроках только хорошую музыку, пусть треть класса на следующий урок не придет. Оставшиеся все поймут, объяснят потом своим товарищам. Нужно только создать привилегии хорошему вкусу».

Учителя уходят. Я спрашиваю Тактакишвили, как он сочетает широкие и трудные обязанности министра культуры с сочинением музыки.

«Я был бы неискренним, если бы сказал, что служба не мешает мне сочинять. Я очень сильно занят. Заботы вступают в конфликт с творчеством. Заботы о том, что не получается, что еще пока не сделано в культурном строительстве. Но я не могу бросить музыку. Пишу рано утром. Потом все-таки два выходных дня. Если ты композитор, у тебя обязательно есть сокровенные замыслы, они точат тебя изнутри, настраивают на творчество, и в конечном счете... Я сейчас пишу вокально-симфоническое сочинение на стихи Николоза Бараташвили. Одна часть уже готова...»

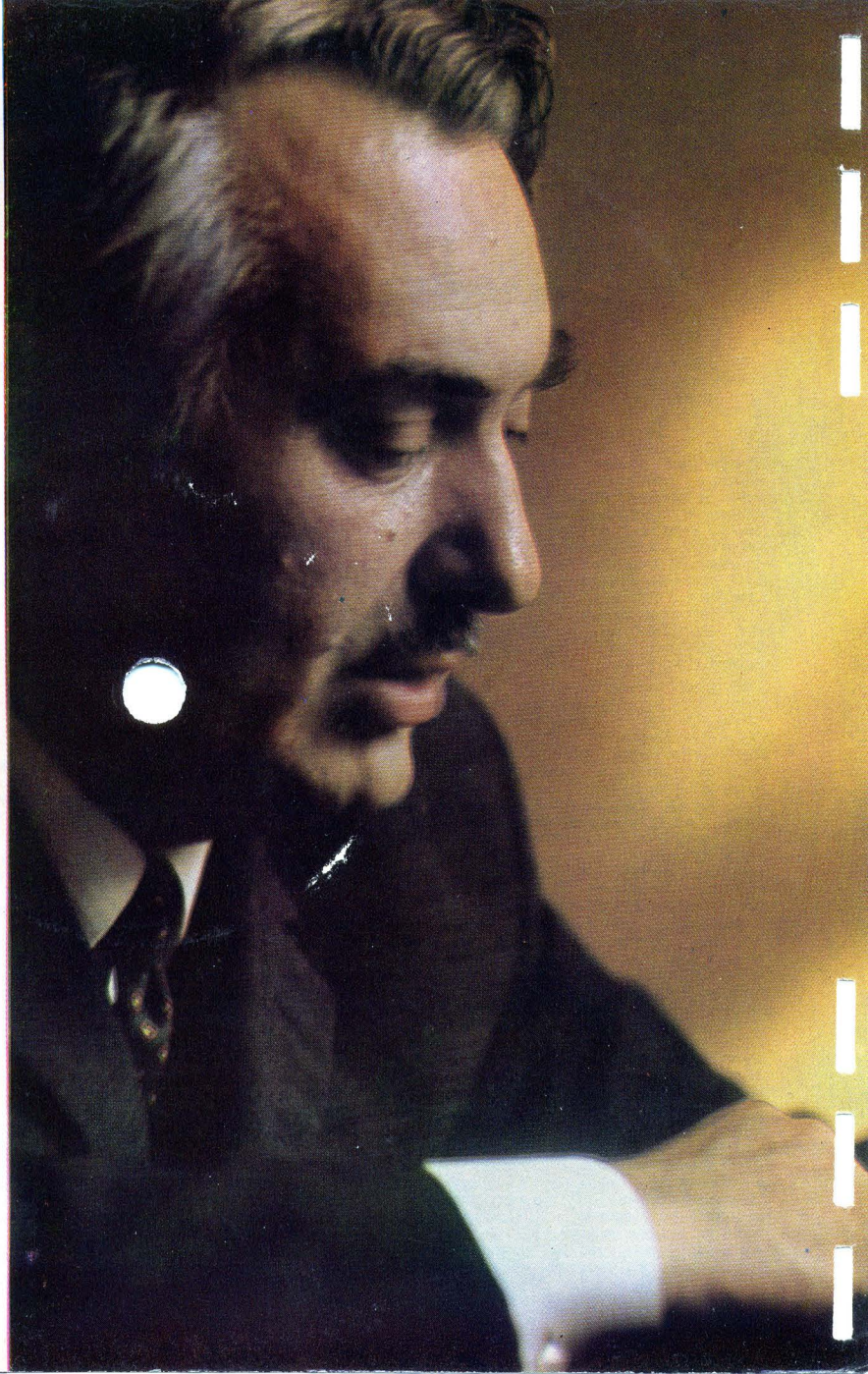
Вы услышите фрагмент этого произведения. А тогда я задаю Отару Тактакишвили еще один вопрос: в чем он видит свою основную миссию как министр культуры Грузинской ССР?

«Помогать всему талантливому, что есть у нас, поддерживать всех работающих с отдачей, поддерживать все новое, ценное, нужное народу».

Анатолий АГАМИРОВ

Тбилиси

Шестая звуковая страница.

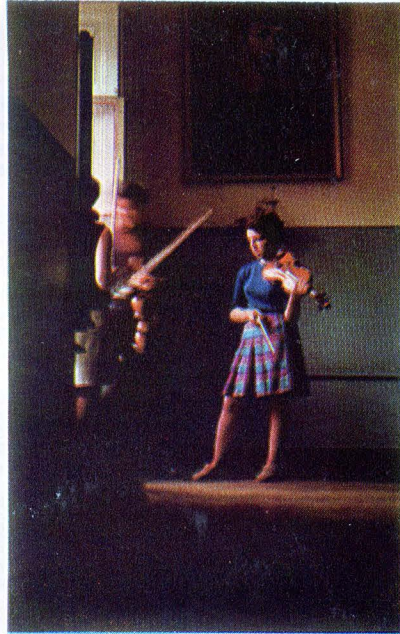

Отар Тактакишвили,

Тбилисское хореографическое училище. Репетиция выпускного спектакля «Щелкунчик» в классе В. Чабукиани,

Музыкальное училище имени Димитрия Аракишвили.

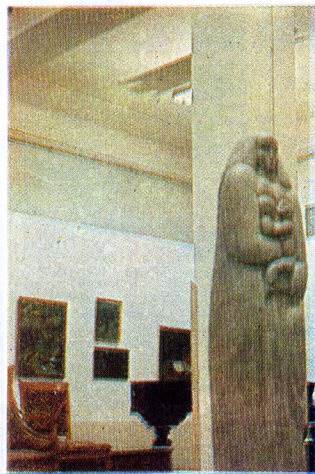

Выставка молодых грузинских мастеров.

Опера Верди «Трубадур» на сцене Тбилисского театра оперы и балета имени Захария Палиашвили.

Мцхета, Храм Джвари.

Фото Л. Лазарева

С какого времени это началось, с какого момента?

Я пытался вспомнить, вернуться назад по мосткам памяти и не мог. Да и не все ли равно? Кажется, черный человек преследует меня уже давно.

...Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Я встретил его впервые не у Есенина, а у Пушкина в «Моцарте и Сальери».

С годами меня все больше тянуло к пушкинским стихам, к прозе. Меня тянуло к самому Пушкину как человеку. Появлялись подробности жизни Пушкина, его личность, друзья и недруги. И где-то рядом все чаще возникал черный человек — Дантес, потом Николай, ощущение угрозы, опасности. Потом это стало нечто большее. Не цепь несчастных случайностей и не клеветники и жандармы, преследующие поэта.

Это было на берегу моря. Мы гуляли с Л. Д. Ландау. Разговор шел об истории создания атомной бомбы, о драме Эйнштейна, подтолкнувшего создание бомбы и бессильного предотвратить Хиросиму.

— Злодейство всегда каким-то образом связано с гением, — сказал Ландау. — Оно всегда следует за ним, как черный человек за Моцартом.

Он знал наизусть эту трагедию. Он прочел нам последнюю сцену, и выяснилось, как все мы по-разному ее понимаем.

Среди нас были филологи и историки, но все равно мы слушали не их, а Ландау. Несмотря на всю его самоуверенность, категоричность. Тощий, быстрый, он шагал впереди, размахивая руками, цветные камешки пляжа летели из-под его подошв. Мы

шли за ним и почтительно подбирали его фразы. Ощущение необычности исходило от него. Трудно даже объяснить, в чем тут дело. Может быть, в том, что он единственный, кто имел право судить о гениях. Молодые физики в затрепанных джинсах, этакие интеллектуалы-супермены, жаждали самоутверждения. Они требовали определить, что такое гений.

— В естественных науках, — сказал Ландау, — это человек, умеющий видеть мир немного иным. Тот же Эйнштейн. Он просто иначе взглянул на давно известные вещи.

Соблазнительно просто. Но Ландау знал Эйнштейна. И еще он знал, как делалась бомба. Сам участвовал в этой работе... Слова его запомнились. Перечитывая

Даниил
ГРАНИН

ВДОХНОВЕНИЕ праздник мастера

«Моцарта и Сальери», я вспоминал тот случайный разговор. Моцарт и Пушкин соединились с Эйнштейном, Оппенгеймером, Ландау, Капицей. Хиросима соединилась с Сальери. Реквием Моцарта звучал над печами Освенцима.

Черным человеком для меня был немецкий мотоциклист. В блестящей черной коже, в черном шлеме, он мчался на черном мотоцикле по солнечному проселку. Мы лежали в кювете. Теплые желтеющие поля, синее небо, вдаль низкие берега Луги, притихшая деревня, и несущийся оттуда грохочущий мотоцикл. Винтовка дрожала в моих руках... Разумеется, я не думал ни о Пушкине, ни о каком черном человеке. Это пришло куда позже; тогда надо было стрелять.

...Ремесло необходимо художнику. Сальери знает ему цену, он не стыдится своего ремесленного умения. Ремесло для него основа, метод его работы.

...Ремесло

Поставил я подножием искусству.

Что можно выстроить на этом фундаменте? Какую нагрузку он выдержит? Достаточно ли прочен материал? Не раз я спотыкался об эти полторы строчки, оброненные вроде походя. У Сальери ремесло — его метод, его технология. Да только ли его? Я упирался, я избегал думать о себе. Странно, что куда понятней моцартовское, пушкинское, а не сальериевское и даже не свое собственное: когда муза не шепчет на ухо и слова не бегут сами...

Сальериевская художническая жизнь — это совсем иное, чем моцартовское состояние, и муки иные и радости. И ведь что интересно: у меня всегда была тайная надежда, что результат-то может оказаться одинаковым. Сона-та или стих, как они получились: написались сразу или же терпеливо перебирались созвучия, вариант за вариантом? Тому, кто пришел на концерт, тому, кто читает стихи, ему наплевать, как это происходило. Важен итог. Рассказ хороший — автор победил, можно вообще в созданном не отличить вдохновения от ремесла...

Впрочем, их и противопоставлять нельзя. Ремесло Сальери имеет свои взлеты. Его умение, умноженное на одержимость, на самоотверженность, награждается восторгом и слезами вдохновения. Инерция ремесла, значит, тоже способна рождать вдохновение.

Сам Пушкин знал необходимость ремесла для профессиональной литературной работы. Ремесло — это опыт, сноровка, приемы мастера, которыми приходится пользоваться в повседневной

работе. Часы вдохновения — редкость. Вдохновение — праздник мастера. А будни на девять десятых состоят из поисков слов, отбора, правки, переделок. Даже Пушкин, даже Лермонтов работали порой мучительно тяжело.

«Мой роман сплошное отчаяние: я перерыл всю душу, чтобы добыть из нее все, что только способно обратиться в ненависть», — пишет Лермонтов.

Профессионализм необходим и гению, плохо, когда, кроме ремесла, ничего другого нет, но плохо, когда талант не обладает ремеслом.

В те чудотворные дни болдинской осени вдохновение не покидало Пушкина. Он полон «тяжким пламенным недугом», стихи, пьесы рождаются сами собой.

16 октября «Моя родословная»

17 октября «Заклинание»

20 октября окончена «Метель»

23 октября окончена «Скупой рыцарь»

26 октября окончена

«Моцарт и Сальери»

Это часть списка только за десять дней, это то, что непосредственно предшествовало «Моцарту и Сальери».

Подъем его гения был необычен. Это было высшее выражение моцартианства — безудержного полета и размаха вдохновения. Но и в эти часы пиршества духа Пушкин отдаёт должное ремеслу-труженику, которое еще недавно служило ему подспорьем. Сальери живет, существует в его душе, соседствуя с Моцартом. Оба сосуществуют, казалось бы, непримиримо,

мые, крайние и в то же время так дополняющие друг друга.

Однажды Анна Андреевна Ахматова спросила меня: «Можете ли вы вообразить, что Пушкин убил Дантеса? Остался бы он для вас тем же Пушкиным?»

Перестановка показалась мне невыносимой. Я сжился с трагической судьбой Пушкина. Обелиск у Черной речки, на месте круэли, квартира-музей, и там красный сафьяновый диван, на котором умирал Пушкин, подробности последних суток его жизни — это с детства стало неотъемлемым и не-поправимым.

Я не мог представить себе мертвого Дантеса и Пушкина, уезжающего на санях домой. То есть представить можно и это, но дальше воображение отказывало.

А, собственно, почему? Пушкина убивали, но разве он был покорной жертвой, беспомощной мишенью? Нет, он умирал с оружием в руках, отстреливаясь...

Он упал, выронив пистолет в снег. Секунданты бросились к нему. Дантес тоже, Пушкин остановил его, сказав по-французски:

— Подождите! Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел!

Дантес подал ему другой пистолет. Полулежа Пушкин поднялся, «целился в Дантеса в продолжение двух минут и выстрелил так метко, что если бы Дантес не держал руку поднятой, то непременно был бы убит». «Геккнер упал, но его сбила с ног только сильная контузия... Пушкин, увидя его падающим, бросил вверх пистолет и закричал:

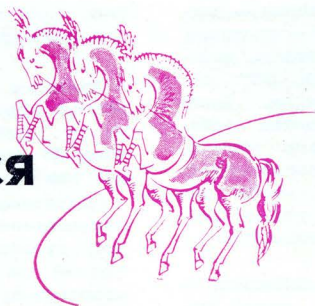
— Bravo!

Между тем кровь лила из раны». Пушкин стрелял в Дантеса, в черного человека, в злодейство. Он погиб воином, сражаясь...

Рис. А. Брусиловского

очень мне нравится цирк

Валентин МАНИОН

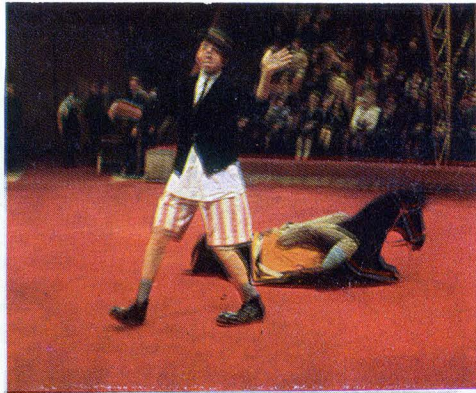
Мое последнее цирковое выступление состояло двадцать шесть лет назад. В 43-м году наша часть отошла на краткий отдых во второй эшелон. Хотелось немного развлечь минометчиков, и мы решили подготовить концерт — кто что может. Нашлись плясуны, певцы, декламаторы. И вдруг в программе — необычный для самодеятельности номер: «акробаты-эксцентрики». Помогал мне сержант Володя Лебедев. Отрететировали то, что ему надо было делать: Володя крепко сцепил руки у живота. Я поставил правую ногу на сцепленные ладони и, оттолкнувшись, сделал сальто. «Здорово у вас получается, товарищ лейтенант! — восторженно сказал мой новоявленный партнер. — И когда это вы успели научиться...»

А научился я этому в цирке, где работали мой дед, отец, мать, все родственники, друзья детства. Словом, у меня насчитывался одиннадцатилетний цирковой стаж из двадцати прожитых лет.

Сколько себя помню, ездил с родителями из города в город. Цирковые артисты, наверное, единственные люди с постоянной временной пропиской. Раньше, чем школьную азбуку, мы постигали азы циркового искусства. Не по учебникам (их просто не было). Учились у родителей, у артистов старшего поколения: Виталия Лазаренко, Бориса Эдера, у Дуровых, Михаила Туганова, Семена Маслюкова, Алексея Цхомелидзе... Они не только открывали нам тайны мастерства. В постоянном общении, во всей этой работе «на виду» мы увлеклись для себя нечто, что я сейчас назвал бы принципами служения цирку. А тогда даже еще не разумом, скорее просто подчиняясь общей атмосфере, мы уясняли, что цирку не нужны трусливые, слабые, безразличные люди.

В семь—десять лет — первый выход на манеж. Не «на арену» (в цирке никто так не скажет), а именно на манеж. Городом моего дебюта стал Магнитогорск. В разных городах начинали свой трудовой путь мои сверстники — мальчишки и девчонки из известных цирковых династий.

Никогда не забуду, сколько часов прыгали мы днем на репетициях, готовясь к вечернему представлению. А ведь весь акробатический номер длится считанные минуты! Приходишь в восемь утра, а Шурик Кисс уже на манеже. Поставит на лоб баланс, жонглирует мячами, кольцами, которых в руках все больше и больше... Подчиняясь

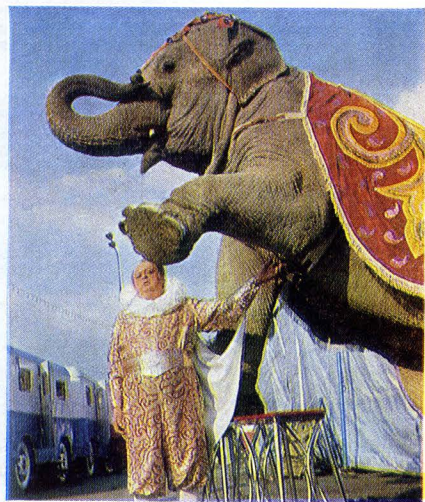
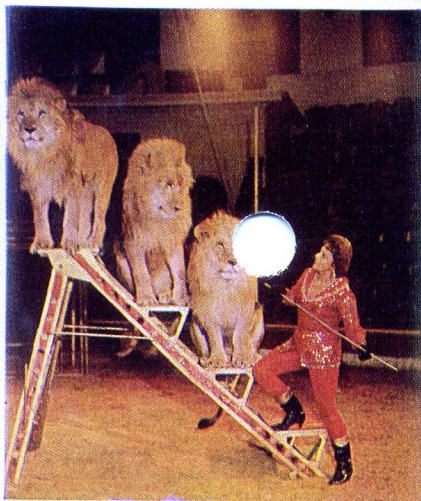
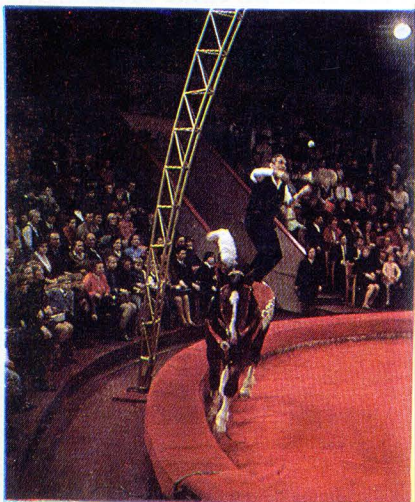

земному притяжению, они падают. И снова то же упражнение. Каждый месяц, каждый день. Отдыха практически не было. Разве только несколько дней при переезде из одного цирка в другой. Потом эти дни, свободные от тренировок, отзываются болью в мышцах. От боли избавляла та же повседневная работа.

Сейчас заслуженный артист республики Александр Кисс — лучший представитель советской школы жонглирования — искусства великой точности и трудолюбия. А Володя Довеико! Он вечно крутил сальто, флик-фляки, придумывал все время новые комбинации. Иногда падал, поднимался и вновь крутил, как говорят в цирке, «окрошку» — комбинацию акробатических прыжков. Не случайно заслуженный артист республики Владимир Довеико стал первым делать рекордные акробатиче-

представить всю меру терпения, ласки, настойчивости и воли, которые потратил дрессировщик на каждый «непринужденный» трюк своих питомцев. И так в любом цирковом жанре: труд и еще раз труд. Будь это известный комик Юрий Никулин, укротительница хищников Ирина Бугримова, оригинальный воздушный дуэт Полины Чернеги и Степана Разумова на «летающей стреле» или дагестанские канатоходцы Цовкра...

...Последнее мое цирковое выступление состоялось 4 июля 1943 года на зеленой поляне, в районе Архангельского, на Орловщине. Помню щедрые аплодисменты минометчиков, которыми награждался каждый наш немудреный акробатический трюк. «Вот кончится война, обязательно пойду учиться на артиста, — сказал мне сержант Лебедев. — Очень мне нравится цирк!»

ские трюки, такие, как заднее сальто на длинных ходулях. Начиная с акробатики заслуженный артист республики Николай Ольховиков сейчас лучший жонглер на лошади. Стоя на галопирующей лошади, Ольховиков жонглирует восемью мячами, в темноте — горящими фанелами.

...И был моим кумиром
Жонглер Ольховиков.
Он внуком был и сыном
Тех, кто сошел давно.
На крупе лошадином
Работал без панно.

Так писал о Николае поэт Александр Межиров. Другой мой сверстник, Луиджи Безано, выступает с гималайскими медведями. Невозможно

На следующее утро гитлеровцы пошли в наступление. Началась великая битва на Орловско-Курской дуге... В боях за Орел погиб мой партнер Володя Лебедев. Я был тяжело ранен, попал в госпиталь. После войны стал журналистом.

Юрий Никулин одинаково популярен в цирке и в кино.

В. Тихонов — московский тореро.

Номера Николая Ольховикова, Ирины Бугримовой, Юрия Дурова.

Фото В. Понярского

7 (64) июль 1969

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

Режиссер
Н. Субботин
Художник
А. Шторх
Технический
редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.

Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Б 04911. Подп. к печ.
18/VI 1969 г. Формат
бумаги 84 × 108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 1592. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

1. Коммунист — это боец. Говорят участники международного Совещания коммунистических и рабочих партий.
2. В звуковую книгу о В. И. Ленине. «В сердце каждого...»
3. Поющие бойцы. Песни польского Сопротивления. «Расшумелись плакущие ивы», «Она», «Червоны маки на Монте-Касино».
4. «Словно ангелы с неба». Репортаж из Н-ской авиадесантной части.
5. «Цирк днем и вечером». Сегодня в программе: Юрий Никулин, слониха Майя, акробат Владимир Довейко.
6. «Сумерки над Мтацминда». Музыка Отара Тантакишвили на стихи Н. Бараташвили.
7. У стен дворца Дожей. Дуэт из оперы Д. Верди «Отелло». Поют Рената Тебальди и Марио Дель Монако.
8. «Под асфальтом — земля». Монолог ярославского мастера-керамиста А. Егорова.
- 9—10. Гости Кабачка 33¹/₂ оборота. М. Магомаев с песней О. Фельцмана и И. Шаферана «Еще не вечер»; Я. Френкель и К. Ваншенкин — авторы песни «Роман» и М. Пахоменко; менская певица Вирхиния Лопес, пианист Д. Брубек с ансамблем. Ведущий — народный артист РСФСР Зиновий Гердт.
11. Наши премьеры. «Утро наступит». Музыка Полада Бюль-Бюль оглы. Поет автор. «Импровизация» А. Мажунова.
- «Игра на волынке» Г. Подельского. Исп. ансамбль «Лайне».
12. Сальваторе Адамо. «Вы позволите, мсье?», «Моя голова», «Летний вальс», «Небоскребы».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

Страдая с давних пор болезнью печени, я решил поехать в отпуск в один из санаториев. На мой вопрос, есть ли путевки в санаторий, в бюро по распространению путевок ответили, что нет.

— Осталось лишь несколько направлений на летние языковые курсы, — заявил вежливый служащий и добавил: — Лингвистические курсы — это великое завоевание трудящихся! Отдыхающие на этих курсах разговаривают между собой исключительно на иностранных языках, читают книги.

— А может быть, у вас есть летние курсы на польском языке? — спросил я.

— Нет. Такие курсы существуют лишь на иностранных языках: французский — парижская кухня, стоимость пребывания — две тысячи золотых, немецкий — венская кухня — тысяча золотых, английский — кухня — брр, тысяча золотых и итальянский — каждый день макароны, восемьсот золотых.

— Так что же взять? — раздумывал я вслух. Я не знаю ни одного иностранного языка...

— Рекомендую вам английские курсы. Англичане по своей натуре малоразговорчивые люди. Для бесед вам будет вполне достаточно знать три слова: «Иес», «ноу» и «ол-райт».

— Ол-райт! — повторил я, беря направление.

На следующий день рано утром я выехал поездом к месту назначения. Дорогой я лихорадочно повторял про себя три слова, так что даже на вопрос кондуктора механически ответил: «Иес», «Ноу», «Ол-райт».

Поздно вечером я прибыл на место. Нашел пансионат, завершил все формальности и, оставив багаж у швейцара, направился ужинать.

Отдыхающие уже сидели за столами. Но что меня поразило — все молчат, словно язык проглотили. Лишь изредка слышались вопросы официантки: «Иес?», — на что отдыхающие отвечали: «Иес!» или «Ноу!» в зависимости от аппетита.

Пораженный столь унылой картиной, я сразу же после ужина сбежал в свою комнату. Мой сосед по комнате — плотный брюнет в рубашке «поло» — кивнул мне в знак приветствия и, показав на кровать, стоявшую в правом углу, спросил: «Иес?» Я в знак согласия ответил: «Иес!» «Ол-райт!» — закончил он беседу и выключил свет.

На следующее утро, сразу же после завтрака, я направился вместе с остальными на прогулку.

Приглядываясь к отдыхающим, я вдруг увидел интересную блондинку в голубом свитере, которая сразу же привлекла мое внимание. Я подошел к ней и милым голосом спросил: «Иес?» «Ноу!» — крикнула возмущенная блондинка и жестом подождала здорового типа с обручальным кольцом на руке, который мощным ударом свалил меня с ног.

Пролежав в кустах около четверти часа, я встал, отряхнулся и закричал: «Ол-райт!» Мой английский язык выдержал экзамен.

Лешек МАРУТА

Перевел с польского В. Светлов

Эта страница отсутствует

Эта страница отсутствует